

*Посвящается Амико,
разделившей со мной этот путь*

Scott Kelly
with Margaret Lazarus Dean

Endurance

A Year in Space,
A Lifetime of Discovery

ALFRED A. KNOPF NEW YORK
2017

СКОТТ Келли
и Маргарет Лазарус Дин

Стойкость

Мой год
в космосе

Перевод с английского

АНО
АЛЬПИНА НОН-ФИКШН

Москва
2019

УДК 82-312.6:629.7

ББК 84-442.3:39.6г

К34

Переводчик Наталья Колпакова
Научный консультант-переводчик, научный редактор
кандидат филологических наук Елена Серых Хэнсен
Редактор Юлия Быстрова

Келли С.

К34   Стойкость: Мой год в космосе / Скотт Келли, Маргарет Лазарус Дин ; Пер. с англ. — М.: Альпина нон-фикшн, 2019. — 462 с.

ISBN 978-5-91671-924-6

Американский астронавт Скотт Келли совершил четыре полета в космос, дважды был членом многодневной американской миссии на Международной космической станции и провел на орбите в общей сложности более 500 суток. О его необычайном опыте много писали в прессе, а теперь есть возможность узнать подробности от него самого. Искренний рассказ о себе, своем детстве, взрослении рисует точный психологический портрет человека, выбирающего путь астронавта, помогает увидеть бесстрашных героев с необычного ракурса и лучше понять их мотивацию и личностные особенности. Келли открывает неповторимый мир покорителей космоса — с повседневным героизмом и нелепыми ситуациями, с романтикой и бытом, с трагедией и юмором, со взлетами и падениями. Воспоминания Келли о жизни на МКС оживляют яркие национальные характеры, показывая слабости и силу членов экипажа — американцев, русских, итальянцев и других.

Русскоязычным читателям будет интересен взгляд «с другой стороны» на российскую космонавтику с ее особенностями и опытом, которые подчас шокируют и вызывают уважение американцев.

УДК 82-312.6:629.7

ББК 84-442.3:39.6г

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети интернет и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу mylib@alpina.ru.

ISBN 978-5-91671-924-6 (рус.)

ISBN 978-1524731595 (англ.)

© Mach 25 LLC, 2017

© Издание на русском языке, перевод, оформление.
ООО «Альпина нон-фикшн», 2019

Оглавление

Пролог	7
Глава 1	19
Глава 2	42
Глава 3	53
Глава 4	67
Глава 5	83
Глава 6	130
Глава 7	148
Глава 8	186
Глава 9	208
Глава 10	221
Глава 11	235
Глава 12	250
Глава 13	278
Глава 14	285
Глава 15	327
Глава 16	349
Глава 17	377
Глава 18	402
Глава 19	410
Глава 20	423
Эпилог: жизнь на Земле	433
Благодарности	441
Предметно-именной указатель	444
Об авторах	459
Источники иллюстраций	460

Как только преодолена очередная планка, надо готовиться к взятию следующей.

*Сэр Эрнест Шеклтон,
исследователь Антарктики,
капитан корабля «Эндьюранс», 1915 г.*

Пролог

Я сижу во главе стола в нашем доме в Хьюстоне. Ужин подходит к концу. Вся семья в сборе: моя давняя спутница жизни Амико, мои дочери Саманта и Шарлотт, мой брат-близнец Марк с женой Гэбби и дочерью Клодией, наш отец Ричи и сын Амико Корбин. Что может быть обыденней, чем ужинать за семейным столом с близкими людьми! Многие даже не осознают того, о чем я мечтал почти год. Столько раз представлял, каково это — есть домашнюю еду, что теперь, когда я наконец здесь, все кажется немного нереальным. Лица любимых, которых я давно не видел, беседа нескольких людей сразу, звон столовых приборов, плеск вина в бокале — я отвык от всего этого. Даже ощущение земного притяжения, удерживающего меня на стуле, кажется незнакомым, и всякий раз, как я опускаю на стол стакан или вилку, я мысленно ищу кусочек ленты-ворсовки велкро или скотча, чтобы их закрепить. Я вернулся на Землю 48 часов назад.

Опираясь на стол, я с усилием поднимаюсь, словно старик из глубокого кресла:

— Проверьте меня вилкой, я спекся!

Все смеются и убеждают меня пойти отдохнуть. Я пускаюсь в путь до спальни — примерно 20 шагов от стула до кровати. На третьем шаге пол как будто кренится подо мной, и я врезаюсь в кашпо. Разумеется, пол не виноват — это вестибуляр-

ный аппарат пытается приспособиться к земному притяжению. Я снова привыкаю ходить.

«Первый раз вижу, как ты споткнулся, — замечает Марк. — Ты молодец». Он по собственному опыту знает, что значит вновь оказаться под воздействием гравитации после пребывания в космосе. Проходя мимо Саманты, я кладу ладонь на ее плечо, и она отвечает улыбкой.

Я благополучно добираюсь до спальни и закрываю дверь. Болит каждая клетка. Все суставы и мышцы восстают против сокрушительного воздействия гравитации. Меня подташнивает, но не до рвоты. Я стаскиваю одежду и забираюсь в постель, смакуя ощущения от прикосновения постельного белья, легкого давления одеяла, мягкости подушки. Всего этого мне отчаянно не хватало. Из-за двери доносятся приглушенные голоса счастливых близких — целый год я не слышал их без помех отраженного спутникового сигнала. Я погружаюсь в сон под их умиротворяющие разговоры и смех.

Меня будит проблеск света. Уже утро? Нет, это Амико вошла в спальню. Я проспал всего пару часов, но чувствую себя как в бреду. С трудом удастся прийти в себя настолько, чтобы пошевелиться и сказать, как мне плохо. Меня сильно тошнит, лихорадит, боль усиливается. После предыдущего полета такого не было. Сейчас гораздо хуже.

— Амико...

Мой больной голос пугает ее:

— Что с тобой?

Она накрывает мою ладонь своей, трогает лоб. Ее рука кажется холодной, настолько сильный у меня жар.

— Мне плохо, — признаюсь я.

Я четыре раза летал в космос, и дважды она была рядом во время всего процесса, поддерживая меня во всем, — в прошлый раз в 2010–2011-м, когда я провел 159 дней на космической станции. Возвращение на Землю и тогда не про-

шло бесследно, но ничего похожего на нынешние ощущения я не испытывал.

Я с усилием поднимаюсь. Нащупываю край кровати. Опускаю ноги. Сажусь. Встаю. С каждым движением я как будто продираюсь сквозь зыбучие пески. Когда мне, наконец, удастся выпрямиться, боль в ногах становится невыносимой, и на ее пике я замечаю еще более тревожный симптом: вся кровь отливает к ногам. Так кровь приливает к голове, когда делаешь стойку. Я чувствую, как они распухают. Бреду в ванную, с невероятным трудом перенося вес с одной ноги на другую. Левая. Правая. Левая. Правая.

Добравшись до цели, включаю свет и рассматриваю ноги. Это уже и не ноги вовсе, а разбухшие подпорки. Они словно чужие, не мои.

— О черт! Амико, посмотри!

Она опускается на колени, сжимает рукой мою лодыжку, и та сплющивается, будто шарик, наполненный водой. Амико вскидывает на меня полные тревоги глаза:

— Даже кость не прощупывается.

— И кожа горит, — сообщаю я.

Амико лихорадочно осматривает меня. У меня непонятная сыпь по всей спине, а также сзади на ногах, голове и шее — на всех участках, соприкасавшихся с постелью. Прохладные ладони скользят по моей воспаленной коже.

— Похоже на аллергию, — замечает она. — Типа крапивницы.

Воспользовавшись туалетом, я шаркаю обратно в спальню и думаю, как быть. В обычной ситуации я обратился бы за медицинской помощью, но вряд ли в больнице кто-нибудь знаком с симптомами реакции на годичное пребывание в космосе. Я медленно заползаю в постель и пытаюсь улечься так, чтобы воспаленные места не контактировали с бельем. Амико роется в аптечке и возвращается с двумя таблетками обезболивающего и стаканом воды. Она старается взять себя в руки,

а я вижу ее тревогу за меня в каждом движении, каждом вздохе. Мы оба знаем риски полета, на который я согласился. После шести лет совместной жизни я понимаю ее как самого себя и слова не нужны.

Я пытаюсь заставить себя уснуть в мыслях о том, страдает ли от отечности ног и болезненной сыпи мой друг Михаил Корниенко — мы с Мишей провели почти год в космосе, сейчас он дома в Москве. Думаю, с ним творится то же самое. Собственно, для этого мы и вызвались участвовать в эксперименте — чтобы узнать, как влияет на человека длительный космический полет. Ученые будут исследовать наши с Мишей данные до конца наших дней и даже дольше. Космические агентства не смогут отправить человека, например, на Марс, пока мы не укрепим самое слабое звено в цепочке, от которого зависит дальность космических полетов, — тело и разум человека. Меня часто спрашивают, почему я вызвался участвовать в этой программе, зная обо всех опасностях — при запуске, при выходе в открытый космос, при возвращении на Землю и в каждое мгновение жизни в металлическом контейнере, летящем по земной орбите со скоростью 28 000 километров в час. У меня есть несколько ответов на этот вопрос, но ни одного исчерпывающего.

В детстве меня преследовало удивительное видение.

Я словно заключен в крохотное помещение, где едва хватает места, чтобы лечь. Откуда-то я знаю, что долго пролежу здесь, свернувшись в клубочек. Выйти невозможно, но меня это не тревожит, — я чувствую, что располагаю всем необходимым. Нечто в этом тесном пространстве, ощущение, что я решаю сложную задачу, просто обитая в нем, нравится мне. Я на своем месте.

Как-то поздним вечером, когда мне было пять лет, родители растолкали нас с Марком, увлекли в гостиную к телевизору и объяснили, что расплывчатые серые пятна на экране —

это люди, идущие по Луне. Помню, как слушал искаженный помехами голос Нила Армстронга и пытался осмыслить его слова о том, что он сейчас находится на сияющем диске, висящем в летнем ночном небе над Нью-Джерси за моим окном. Просмотр трансляции прилунения астронавтов наградил меня странным и страшным сном: будто бы я готовлюсь опуститься в ракете на Луну, но не сижу в кресле в полной безопасности, а вишу, притянутый ремнями, в носовой части, прижавшись спиной к головному обтекателю и глядя прямо в небеса. Луна надвигается, грозно разверзаются гигантские кратеры. Я жду обратного отсчета и знаю, что вряд ли переживу момент включения двигателя. Всякий раз я просыпался, потный и перепуганный до смерти, за секунду до того, как двигатели ударят в небо огненными струями.

В детстве я жаждал опасности, и не по безрассудству, а потому, что все прочее навевало скуку. Я спрыгивал, откуда возможно, забирался, куда возможно, заключал пари с мальчишками, катался на коньках и съезжал с горки, плавал и переворачивался на лодках, порой рискуя жизнью. В шесть лет мы с Марком начали лазать по водосточным трубам и наблюдать за родителями с крыши на высоте двух-трех этажей. Вся наша жизнь состояла из преодоления трудностей. Безопасные, заведомо выполнимые задачи и занятия казались пустой тратой времени. Меня бесила способность некоторых сверстников спокойно сидеть весь учебный день, просто дыша и моргая, без настоящей потребности вырваться на волю и исследовать мир, делать что-то новое, рисковать. Что творилось у них в головах? Разве можно изведать в классе нечто, хотя бы отдаленно напоминающее ощущения человека, летящего по склону холма на неуправляемом велосипеде?

Я был никудышным учеником, вечно глазающим в окно или на часы в ожидании конца уроков. Учителя сначала ругали меня, потом стали наказывать и, наконец, игнорировать. Родители, офицер полиции и секретарша безуспешно пыта-

лись призвать нас с братом к порядку. Бóльшую часть времени — после школы, до возвращения родителей с работы и утром в выходные дни, когда они отсыпались, — мы были предоставлены самим себе и вольны делать все, что захочется, а хотелось нам риска.

В старших классах я впервые занялся тем, что удавалось мне и одобрялось взрослыми, — стал специалистом-техником скорой помощи. Я пришел на медицинско-технические курсы, и оказалось, что мне хватает терпения, чтобы сидеть и учиться. Начав волонтером, я за несколько недель дорос до работы с полной занятостью и всю ночь проводил в машине скорой, не зная, с чем столкнусь в следующий раз: с огнестрельным ранением, сердечным приступом или переломом. Как-то раз я принял роды в социальном жилье: убогая постель с застиранными простынями, болтающаяся под потолком голая лампочка, гора грязной посуды в раковине. Головокружительное ощущение опасности в ситуациях, когда можно полагаться только на себя, опьяняло меня. Я решал вопросы жизни и смерти вместо изучения скучных — и, на мой взгляд, бессмысленных — школьных предметов. По утрам я часто ехал домой и ложился спать, вместо того чтобы идти в школу.

Школу я все-таки сумел кое-как окончить и начал посещать единственный колледж, куда меня взяли (не тот, в который собирался подать документы, что ярко характеризует мою способность к концентрации). Учеба в нем интересовала меня не больше, чем в старших классах, а для развлечений типа «спрыгнуть с крыши сарая» я стал староват. Место рискованных затей заняли вечеринки, но удовольствие было не то. Когда взрослые спросили, кем я хочу стать, я ответил: «Врачом». Записался на подготовительные курсы при медицинском колледже, но меня выгнали после первого семестра. Я просто тянул время, понимая, что пора чем-то заняться, а я понятия не имел чем.

Однажды я зашел в книжный магазин кампуса купить что-нибудь поесть — кроме литературы, там продавали сэндвичи. Одна книга приковала мое внимание. Казалось, слова на ее обложке ведут меня прямоком в будущее. «Парни что надо» — вот как она называлась. Я не был книгочеем — если в школе задавали что-нибудь прочитывать, разве что пролистывал книгу, отчаянно скучая. Иногда заглядывал в хрестоматию и запоминал ровно столько, чтобы сдать тест, а иногда не утруждал себя и этим. В общем, редко я брал в руки книгу по своей воле, но эта чем-то меня привлекла.

Первая же строчка перенесла меня в зловоние дымящегося поля на авиационной базе ВМФ в Джексонвилле, где только что погиб, обгорев до неузнаваемости, молодой летчик-испытатель. Его самолет врезался в дерево, и «голова от удара треснула, как арбуз». Настолько захватывающего чтения мне прежде не попадалось. Происходящее казалось близким и знакомым, хотя я не понимал почему.

Я купил книгу и остаток дня провалялся в кровати в общешитии, читая с колотящимся сердцем, захваченный бешеной энергией текста Тома Вулфа. Меня покорило жизнеописание военных летчиков-испытателей, молодых асов, катапультирующихся из кабин самолетов, тестирующих недоработанные машины, налегающих на выпивку, — в общем, отчаянных сорвиголов.

Это братство опиралось на убеждение, что человек способен устремиться ввысь в грохочущей железяке, поставив на кон свою шкуру, и что в последний миг ему хватит дерзости, быстроты реакции, опыта, хладнокровия вернуть аппарат на землю — и снова взлететь *на следующий день*, и в каждый из дней, даже если череда полетов окажется бесконечной, все равно совершаются они ради цели, значимой для тысяч людей, для народа, государства, человечества, Бога.

Это был не просто интересный приключенческий роман, а руководство, рассказывающее, как прожить жизнь. Эти парни, летавшие на боевых реактивных самолетах, делали реальное дело в реальном мире. Некоторые стали астронавтами — это тоже реальное дело. Я понимал, что попасть на такую работу трудно, но кому-то удалось! Значит, это возможно. Меня в военных летчиках привлекло не то, что они «крутые», не особые качества, отличавшие эту горстку храбрецов. Меня манило преодоление невероятных трудностей, когда ты рискуешь жизнью и побеждаешь смерть, как в ночное дежурство на скорой помощи, если бы она перемещалась со скоростью звука. Взрослые, побуждавшие меня стать медиком, считали, что я хочу работать на скорой потому, что мне нравится мерить давление и фиксировать переломы, но меня в этой работе заводил азарт, борьба, неизведанное. В книге я нашел то, что и не чаял найти, — цель всей жизни. Поздним вечером я закрыл книгу другим человеком.

В последующие десятилетия меня многократно спрашивали, как начался мой путь в космос, и я отвечал — почти честно, — что в детстве увидел трансляцию высадки на Луну или запуск первого шаттла, но никогда не рассказывал о 18-летнем мальчишке в душной комнатенке общежития, зачарованном тугим, как сжатые пружины, повествованием о давно ушедших из жизни летчиках. Это и было начало.

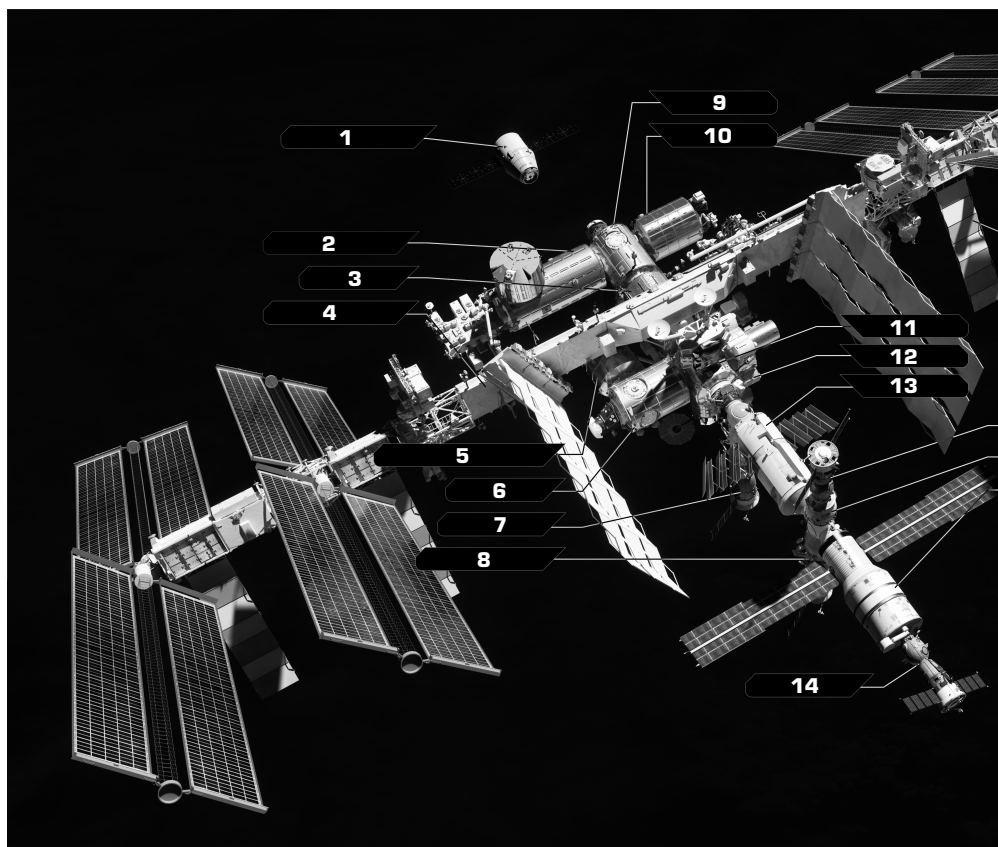
В отряде подготовки астронавтов я от многих коллег слышал воспоминания из раннего детства, похожие на мои. О том, как они спустились в пижаме в гостиную, чтобы увидеть по телевизору высадку человека на Луну. Именно тогда большинство из них и решили когда-нибудь полететь в космос. В те времена нам обещали, что к 1975 г., к моему 11-летию, американцы побывают на Марсе. Мы отправили человека на Луну и теперь для нас все возможно! Затем НАСА лишилось большей части финансирования, и мечты о космосе

с годами поблекли. Тем не менее нашему отряду была обещана роль первопроходцев в полете на Марс, о чем свидетельствовали даже шевроны на летных куртках: маленькая красная планета восходит над Луной и Землей. С тех пор НАСА приняло участие в сборке Международной космической станции — самом трудном предприятии в истории человечества. Слетать на Марс и обратно будет еще труднее, и я провел в космосе год — больше времени, чем займет полет к Марсу, — чтобы ответить на часть вопросов о том, как выжить в таком путешествии.

Как и в юные годы, риск — мой образ жизни. В моих детских воспоминаниях царят неподвластные человеку законы физики, стремление подняться выше, еще выше, бросить вызов гравитации. Астронавта подобные воспоминания, с одной стороны, тревожат, с другой — успокаивают. Всякий раз, рискуя собой, я выживал и возвращался. Всякий раз, подставив себя под удар, выходил сухим из воды.

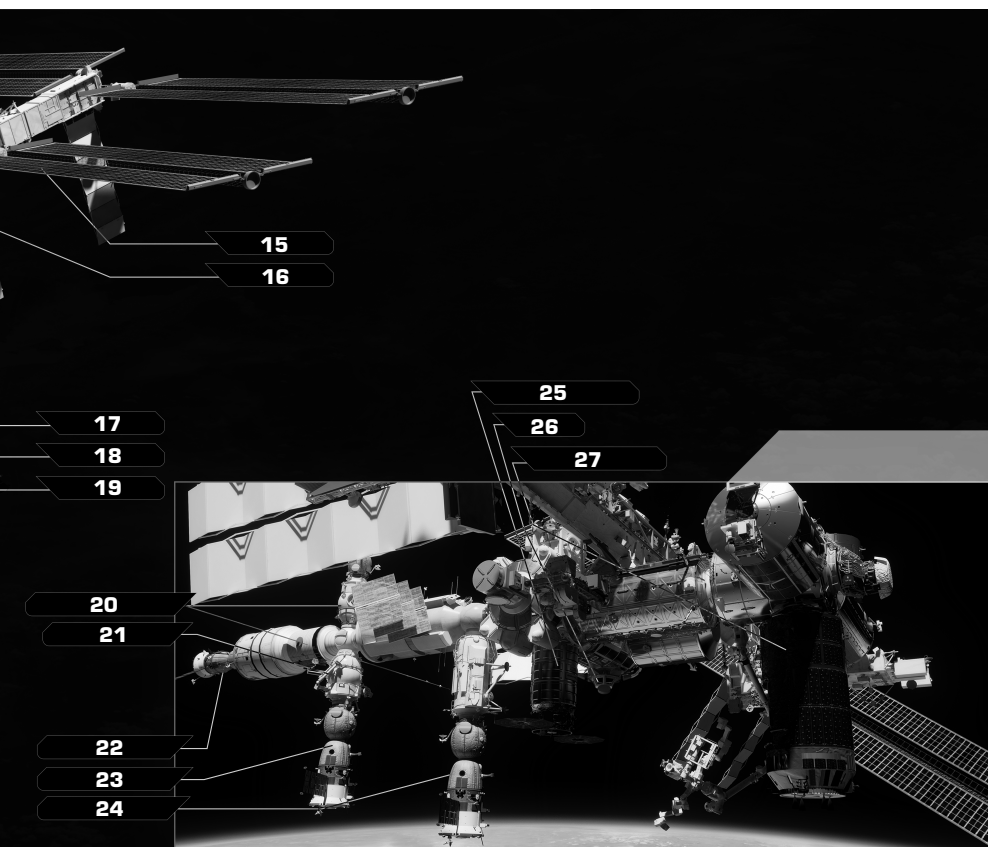
В течение года на МКС я часто размышлял о том, как много значили для меня «Парни что надо», и решил позвонить Тому Вулфу — наверняка ему будет приятно ответить на звонок из космоса. Мы многое обсудили, в том числе я поинтересовался, как он пишет книги. Как мне подступить к этому делу, как облечь все пережитое в слова?

«Начните с начала», — ответил он. Так я и сделал.

СХЕМА МЕЖДУНАРОДНОЙ КОСМИЧЕСКОЙ СТАНЦИИ

1. Грузовой корабль Dragon (SpX-6). Апрель-май 2015 г. **SpaceX. США**
2. Экспериментальный модуль «Кибо». Япония
3. Лабораторный модуль («Лэб», «Дестини»). **США**
4. Интегрированная ферменная конструкция. **США**
5. Герметичный многофункциональный модуль (РММ). **США**
6. Жилой модуль «Транквилити» («Ноуд-3»). **США**
7. «Союз» (ТМА-17М). Июль — декабрь 2015 г. **Россия**
8. Грузовой корабль «Прогресс» (62П). Декабрь 2015 г. — июль 2016 г. **Россия**
9. Узловой модуль «Хармони» («Ноуд-2»). **США**
10. Лабораторный модуль «Коламбус». Европа
11. Узловой модуль «Юнити» («Ноуд-1»). **США**
12. Шлюзовой отсек «Квест». **США**
13. Функционально-грузовой блок «Заря». **Россия**

14. **«Союз» (ТМА-16М).** Март — сентябрь 2015 г. **Россия**
15. **Солнечные батареи (8).** **США**
16. **Радиаторы (2 шт).** **США**
17. **Союз (ТМА-18М).** Июль — декабрь 2015 г. **Россия**
18. **Малый исследовательский модуль «Поиск» (МИМ-2).** **Россия**
19. **Служебный модуль «Звезда».** **Россия**
20. **Малый исследовательский модуль «Рассвет» (МИМ-1).** **Россия**
21. **Стыковочный отсек «Пирс».** **Россия**
22. **Грузовой корабль «Прогресс» (61П).** Октябрь 2015 г. — март 2016 г. **Россия**
23. **Грузовой корабль «Прогресс» (60П).** Июль — декабрь 2015 г. **Россия**
24. **«Союз» (ТМА-19М).** Декабрь 2015 г. — июнь 2016 г. **Россия**
25. **Грузовой корабль Cygnus (ОА-4).** Декабрь 2015 г. — февраль 2016 г. **Orbital ATK. США**
26. **Обзорный модуль «Нүпола».** **США/Европа**
27. **Грузовой корабль НТВ (НТВ-5).** Август-сентябрь 2015 г. **Япония**

Глава 1

20 февраля 2015 г.

Чтобы покинуть Землю, нужно забраться на край земли. С 2011 г., когда программа «Спейс-шаттл» была свернута, доставить нас в космос могут только русские, и путешествие приходится начинать с космодрома Байконур в безводных степях Казахстана. Сначала я отправляюсь из Хьюстона в Москву — привычный 11-часовой перелет, — а оттуда в микроавтобусе в Звездный Городок — 70 км и от одного до четырех часов, в зависимости от московских пробок. Это российский аналог Космического центра имени Джонсона (КЦД), здесь уже 40 лет тренируются космонавты (в последние годы и астронавты, которым предстоит лететь в космос вместе с ними).

Звездный — небольшой город с собственными мэрией и церковью, музеями и жилыми кварталами. Здесь установлена гигантская статуя Юрия Гагарина — человека, совершившего в 1961 г. первый космический полет. Простой и непритязательный, выполненный по канонам соцреализма памятник изображает космонавта шагающим с букетом цветов за спиной. Несколько лет назад Роскосмос построил специально для нас, американцев, линию таунхаусов, жить в которых — все равно что в декорациях к фильму, воплощающему русские

стереотипы о нас. Огромные холодильники, огромные телевизоры, но все словно ненастоящее. Я провел в Звездном Городке много времени, в том числе в качестве представителя КЦД, но мне там до сих пор неуютно, особенно в разгар жестокой русской зимы. После первых недель подготовки меня охватило желание вернуться в Хьюстон.

Из Звездного Городка мы совершили 2560-километровый перелет на Байконур, в прошлом секретный стартовый комплекс советской космической программы. Отныне словом «глухомань» я называю исключительно Байконур. Космодром был построен в деревне, именовавшейся Тюратам в честь потомка Чингисхана, но в целях конспирации назывался Байконуром, как и поселок, находящийся в нескольких сотнях километров. Теперь Байконуром называют только космодром. В прошлом Советы называли свой стартовый комплекс Звездным Городком, чтобы еще больше запутать Соединенные Штаты. Мне, американцу, выросшему и выучившемуся на военного летчика на излете холодной войны, странно сознавать, что я приглашен в самое сердце бывшей советской космической программы и скоро узнаю ее секреты. В настоящее время в Байконуре живут главным образом казахи, потомки тюркских и монгольских кочевников, а этнические русские, оставшиеся здесь после распада Советского Союза, составляют меньшинство. Технические объекты Россия арендует у Казахстана. Российский рубль — основная валюта, на всех транспортных средствах российские номера.

С высоты кажется, что сооружения Байконура случайным образом разбросаны по сухой степи. В уродливых бетонных зданиях чудовищно жарко летом и немилосердно холодно зимой, между ними ржавеют горы брошенной техники. В тени аэрокосмического оборудования кланчат еду стаи бродячих собак и дикие верблюды. Эта бесприютная суровая местность для большей части мира — единственный действующий космодром для пилотируемых запусков.

Я прилетаю на Байконур на борту Ту-134, старого российского военного транспортника. Возможно, когда-то этот самолет был оборудован бомбодержателями и в час испытаний мог поработать бомбардировщиком, то есть являлся частью арсенала, созданного Советами для нападения на мою страну. Теперь он возит международные экипажи космических путешественников — русских, американцев, европейцев, японцев и канадцев. Мы, бывшие враги, стали членами одной команды на пути к космической станции, которую построили вместе.

Носовая часть салона отведена основному экипажу (двое моих русских товарищей и я) и нескольким высокопоставленным лицам. Временами я направляюсь в хвост, где сидел во время прежних рейсов на Байконур. Все начали пить с самого утра, сразу после вылета из Звездного Городка, и сейчас в хвосте у русского обслуживающего персонала веселье в полном разгаре. Русские никогда не пьют без закуски: к водке и коньяку предлагаются помидоры, сыр, сосиски, маринованные огурцы, тонкие ломти соленой вяленой рыбы и соленого свиного жира, который называется *сало*. В первую поездку в Казахстан в 2000-м, когда я пробирался через празднующую в хвосте компанию к уборной, меня остановили и заставили стопками пить *самогон*, русский крепкий алкоголь кустарного производства. Пьяные техники шатались от турбулентности и спирта, проливая выпивку на себя и на пол самолета. При этом все курили сигарету за сигаретой. Счастье, что мы добрались до Казахстана, не превратившись в гигантский огненный шар из самогона и авиационного керосина!

Сегодня тоже все крепко пьют, и мы порядком набираемся к моменту, когда самолет вываливается из облаков над плоской ледяной пустыней и касается единственной в Байконуре посадочной полосы. Мы выползаем наружу, моргая от холода, и видим группу встречающих — официальных лиц из Роскос-

моса (Российского космического агентства) и «Энергии», компании, строящей космические корабли «Союз», один из которых доставит нас на орбиту для стыковки с Международной космической станцией. Здесь же мэр Байконура и другие местные шишки. Мой русский товарищ по экипажу Геннадий Падалка делает широкий шаг вперед и чеканит, пока остальные изображают внимание: «Мы готовы к следующим шагам нашей подготовки».

Это ритуал, один из множества в сфере космических полетов. У нас, американцев, тоже есть знаковые моменты на аналогичных этапах предстартовой подготовки. Между ритуалом и суеверием пролегает тонкая граница, а в таком опасном для жизни деле, как полеты в космос, суеверия помогают даже неверующим.

На краю взлетной полосы мы замечаем необычную, но приятную картину — группу казахских детей, маленьких послов с края Земли: круглощеких, черноволосых, с преобладанием азиатских черт, в яркой пыльной одежде и с воздушными шариками. Русский врач рекомендует нам держаться от них подальше: есть подозрения, что в этом районе эпидемия кори, а если один из нас заразится, последствия будут серьезные. Нам всем сделаны прививки, но русские врачи экипажей очень осторожны: никто не должен улететь в космос с корью. Обычно мы слушаемся врача, тем более что в его власти отстранить нас от полета, но сейчас Геннадий решительно выходит из ряда.

«Нужно поздороваться с детьми», — твердо говорит он по-английски.

Я знаком с Геннадием и третьим членом экипажа Михаилом Корниенко (Мишей) с конца 1990-х, когда начал ездить в Россию для работы над совместной программой двух стран по созданию космической станции. У Геннадия шапка седых волос и острый, все подмечающий взгляд. Ему 56, он командир нашего «Союза». Это прирожденный лидер, умеющий

решительно отдать приказ, когда это необходимо, и внимательно выслушать, если вам есть что сказать. Я доверяю ему безоговорочно. Однажды в Москве, возле Кремля, я видел, как он отделился от группы космонавтов, чтобы отдать дань уважения месту, где был убит оппозиционный политик, возможно, приближенными Владимира Путина. Для космонавта, государственного служащего, это был рискованный поступок. Другие русские в нашей компании, как мне показалось, не хотели даже говорить об этом убийстве, но не Геннадий.

54-летний Миша, который станет моим спутником на целый год, совсем другой — простой, спокойный и задумчивый. Отец Миши, пилот военного вертолета, служил в отряде поиска и спасения космонавтов и разбился, когда сыну было всего пять лет. Страшная потеря лишь укрепила мечту Миши полететь в космос. Отслужив в воздушно-десантных войсках, он хотел в дальнейшем получить диплом в Московском авиационном институте, чтобы стать бортинженером. Но поступить туда было сложно, особенно если ты не проживал в Московской области. Поэтому Миша пошел служить в московскую милицию, чтобы получить прописку и льготы для поступления в институт. В 1998 г. прошел отбор в отряд космонавтов.

В голубых глазах Миши ясно читаешь, что для него нет ничего важнее, чем услышать и понять тебя. Он более открыт, чем другие знакомые мне русские. Будь он американцем, я бы сравнил его с хиппи из Вермонта в неизменных биркенштоках.

Мы подходим к казахским детям, здороваемся с ними, обмениваемся рукопожатиями и принимаем букеты, возможно кишашие возбудителями кори. Геннадий увлеченно болтает с детьми, лицо озаряет его знаменитая улыбка.

Вся компания — основной и дублирующий экипажи, а также обслуживающий персонал — грузится в два автобуса

и едет на карантинную базу, где мы проведем следующие две недели. (Основной и дублирующий экипажи всегда путешествуют отдельно по той же причине, что и президент с вице-президентом.) Пока мы размещаемся, Геннадий шутки ради усаживается на место водителя, и все мы фотографируем его на телефоны. Много лет назад команды приезжали на Байконур, проводили здесь день за проверкой космического корабля «Союз» и возвращались в Звездный Городок на две недели в ожидании старта. Теперь в целях экономии количество перелетов сведено к одному, и нам придется остаться здесь. Я сажусь у окна, вставляю в уши наушники и прислоняюсь головой к стеклу в надежде подремать в пути на карантинную базу, больше похожую на отель. Дорога в ужасном состоянии — всегда была такой и становится все хуже: асфальт сплошь в рытвинах и заплатах, я бьюсь головой о стекло, что не способствует сну.

Мы минуем обветшавшие жилые комплексы советской эпохи, громадные заржавленные спутниковые тарелки, поддерживающие связь с российским космическим кораблем, горы мусора, одинокого верблюда. День ясный, солнечный. Проезжаем байконурский памятник Юрию Гагарину — здесь он изображен с поднятыми руками, и в этом жесте не триумф, как у гимнаста после безупречного завершения элемента, а чистая радость ребенка, готового сделать кувырок. Он улыбается.

Далеко на горизонте пусковая вышка поднимается над обветшалой бетонной площадкой, с которой Юрий впервые в истории оторвался от Земли, чтобы устремиться в космос. Отсюда покидал Землю практически каждый российский космонавт, а через две недели улечу и я. Иногда мне кажется, что русские уделяют больше внимания традициям, чем внешнему виду или функциональности. Этот стартовый стол, который они называют «гагаринским стартом», пропитался прошлыми успехами, и они не собираются его менять.

Наш с Мишей полет — год на МКС — беспрецедентен. Стандартная экспедиция на космическую станцию длится от пяти до шести месяцев, и ученые накопили достаточно данных о том, что происходит с телом человека в космосе за это время. О том, как развиваются события после шестого месяца, почти ничего не известно. Скажем, симптомы могут резко обостриться на девятом месяце или, наоборот, сойти на нет. Существует лишь один способ это выяснить.

Я и Миша будем снимать с себя разнообразные данные для исследований, уделяя этому существенную часть времени. Поскольку мы с Марком однойцовые близнецы, я участвую в еще одном объемном исследовании: в течение года нас с братом будут сравнивать по разным параметрам вплоть до генетического уровня. Международная космическая станция — это орбитальная лаборатория мирового класса, и, помимо исследования человеческого организма, одним из главных объектов которого я стану, мне за этот год предстоит посвятить много времени другим экспериментам, в частности из области физики жидкостей, ботаники, окисления органических веществ и наблюдения Земли.

Рассказывая слушателям о Международной космической станции, я неизменно подчеркиваю значимость научной деятельности, которая там ведется. Для меня, однако, столь же важно, что станция является плацдармом нашего биологического вида в космосе. Там мы можем узнать, как проникнуть глубже в космос. Затраты высоки, как и риски.

В течение предыдущей экспедиции на станцию продолжительностью в 159 дней я потерял костную массу, у меня атрофировались мышцы, а кровь перераспределилась в теле, так что стенки сердца деформировались и усохли. Более того, возникли проблемы со зрением, как у многих астронавтов. Я получил дозу радиации, в 30 раз превышающую земную норму, как если бы делал десять рентгеновских снимков грудной клетки ежедневно. Это увеличило для меня риск забо-

леть смертельной формой рака. Но все перечисленное меркнет по сравнению с главным риском: что с кем-то из любимых случится беда, пока я нахожусь в космосе без какой бы то ни было возможности вернуться домой.

Глядя в окно на причудливый байконурский пейзаж, я понимаю, что за все время, проведенное здесь, — целые недели — фактически ни разу не видел самого города. Я бывал только в особых местах по служебной необходимости: в ангарах, где инженеры и техники готовят к полету наш космический корабль и ракету, в залитых флуоресцентным светом комнатах без окон, где мы облачаемся в скафандры «Сокол», в зданиях, где располагаются наши инструкторы, переводчики, врачи, повара, управленцы и другой обслуживающий персонал, а также в ближайшем доме, где мы живем, — американцы любовно именуют его «дворцом Саддама». В этой пышной резиденции, построенной для главы Российского космического агентства, его сотрудников и гостей, разрешено селиться членам экипажей во время пребывания на Байконуре. Это место приятнее других построек и несравненно комфортнее спартанских помещений в офисном здании Космического центра имени Кеннеди во Флориде, где астронавты шаттлов когда-то отбывали карантин. Во «дворце Саддама» хрустальные люстры, мраморные полы и у каждого четырехкомнатный номер с джакузи. В здании имеется баня, русская сауна с холодным бассейном, куда можно нырнуть после парной. В начале двухнедельного карантина я заглянул в баню, где голый Миша хлестал голого Геннадия пучком березовых веток. Увидев это зрелище впервые, я несколько оторопел, но, как только сам попарился в бане, окунулся в холодную как лед купель и затем выпил домашнего русского пива, оценил ее в полной мере.

Есть во «дворце Саддама» и обширная столовая с отглаженными белыми скатертями, тонким фарфором и плазменными телевизорами на стенах, где вечно крутят старые советские

фильмы, видимо любимые космонавтами. Русская еда хороша, но американцам через какое-то время она может поднадоесть — борщ почти каждый день, мясо с картофелем, другое мясо с картофелем, все засыпано тоннами укропа.

— Геннадий, — завожу я речь за обедом через несколько дней после заселения, — зачем столько укропа?

— А что? — спрашивает он.

— Вы суете укроп во все. Некоторые блюда были бы очень вкусными, если бы не тонули в укропе.

— А, ясно. — Геннадий кивает, на его лице проступает характерная улыбка. — Это оттого, что русский стол состоит главным образом из картошки, капусты и водки. Укроп избавляет от газов.

Потом я погуллил — так и есть! Замечу, очень разумно избавиться от газов перед тем, как оказаться запертыми на много часов в крохотной железной банке вплотную друг к другу, так что я перестал сетовать на обилие укропа.

На следующий день после прибытия на Байконур у нас была первая «примерка». Для нас это возможность оказаться внутри спускаемого аппарата «Союз», пока он еще в ангаре, не соединенный с ракетой-носителем, которая выведет нас в космос. В огромном, как пещера, ангаре, известном под названием «здание 254», мы надеваем скафандры «Сокол». Это невероятно трудоемкий процесс. Единственный «вход» в скафандр находится на груди: нужно вползти ногами вперед через эту нагрудную дыру, с усилием протолкнуть руки в рукава, вслепую нашарить головой разъемное кольцо. Для меня этот процесс часто заканчивается царапинами на макушке. В данном случае отсутствие волос — это минус. Затем входное отверстие герметически закрывается, причем этот процесс поражает примитивностью: края материала складываются гармошкой и скрепляются эластичной тесьмой. Знакомясь с этой системой, я не мог поверить, что какие-то резинки станут

нашей единственной защитой в космосе. Когда я оказался на космической станции, то узнал, что точно такими же резиновыми лентами русские в космосе стягивают горловины мешков для мусора. С одной стороны, меня это насмешило, с другой — я оценил прагматизм русских в отношении технологии. Зачем менять то, что работает?

«Сокол» конструировался как спасательный скафандр, его единственная функция — уберечь нас в случае пожара или разгерметизации «Союза». В ходе полета я пользовался при выходах в открытый космос другим скафандром, намного более солидным и технологичным, — своего рода маленьким космическим кораблем. Скафандр «Сокол» имеет то же назначение, что и оранжевый скафандр разработки НАСА, в котором я летал на шаттле. НАСА представило этот скафандр только после катастрофы «Челленджера» в 1986 г.; прежде астронавты обходились обычными комбинезонами из ткани, как и русские до аварии 1971-го, когда в результате разгерметизации погибли три космонавта. С тех пор космонавты (равно как и астронавты, летящие вместе с ними в «Союзе») должны быть в скафандрах «Сокол». Странное чувство вызывают эти свидетельства трагедий — запоздалые усовершенствования, которые могли бы спасти астронавтов и космонавтов, рисковавших так же, как рискуем мы, но проигравших.

Сегодня у нас нечто вроде генеральной репетиции: мы облачаемся в скафандры, их проверяют на герметичность, затем нас пристегивают привязными ремнями в персональных креслах, выполненных по гипсовым отливкам с наших тел. Это нужно не для нашего удобства, которому русские не придают особого значения, а в целях безопасности и экономии места: незачем делать сиденье просторнее минимально необходимого. Кресла, изготовленные по индивидуальным размерам, поддержат наши позвоночники и примут на себя часть удара при жесткой посадке на Землю через год после старта.

Несмотря на все время, проведенное в макетах «Союза» в Звездном Городке, я изумляюсь тому, как трудно втиснуться в кресло, когда на тебе скафандр. Всякий раз я сомневаюсь, что помещусь, и всякий раз помещаюсь. Еле-еле. Приподнявшись в ложементе, я бы ударился головой о стену. Интересно, каково более рослым коллегам? Пристегнувшись с помощью привязной системы, мы тренируемся пользоваться оборудованием, дотягиваться до кнопок, считывать показания с экранов, брать свои планшеты. Мы обсуждаем, что хотели бы подогнать под себя, вплоть до деталей, например, где предпочитаем разместить таймеры (для хронометража работы двигателя), карандаши и кусочки ленты-ворсовки велкро, чтобы закрепить предметы, когда окажемся в космосе.

Закончив, мы выбираемся из люка и осматриваем пыльный ангар. Вон очередной грузовой корабль «Прогресс», очень похожий на «Союз», поскольку русские не станут создавать две конструкции, если годится одна. Через несколько месяцев «Прогресс» доставит нам на МКС оборудование, снаряжение для экспериментов, запасы продовольствия, кислород и подарки из дома. В июле стартует «Союз» с новым экипажем из трех человек. Где-то в этом ангаре собирается из деталей следующий «Союз», за ним еще один и так далее. Русские начали запускать «Союзы», когда мне было три года.

Космический корабль «Союз» (Soyuz — то же слово, что в названии страны «Советский Союз») предназначен для маневрирования в космосе, стыковки со станцией и сохранения жизни людей, а ракета-носитель — это «рабочая лошадка», придуманная человечеством, чтобы вырваться из-под власти земной гравитации. Ракеты (по непонятной причине также называемые «Союзами») готовят к запуску в зоне сборки и проверки напротив ангара — на площадке № 112. Мы с Геннадием и Мишей переходим дорогу, минуем группу российских журналистов и в очередном громадном, как пещера, здании оказываемся рядом с нашей раке-

той. Серая, как оружейный металл, она лежит на боку. В отличие от шаттла и его предшественницы, колоссальной связки «Аполлон–Сатурн», космический корабль и носитель «Союз» соединяются в горизонтальном положении и в нем же выкачиваются на стартовый стол. Лишь там за пару дней до запуска их поднимут и установят вертикально, в направлении на цель. Это очередной пример различия подходов русских и американцев. Данная процедура не столь парадна, как у НАСА, когда на старт торжественно выдвигается вертикальная громада, закрепленная на могучем гусеничном транспортере.

При длине 49,5 м эта ракета, «Союз-ФГ», заметно меньше шаттла в сборе, но и ее размеры впечатляют. Мы надемся, что этот гигант высотой с многоэтажный дом оторвется от Земли, унося нас со скоростью, в 25 раз превышающей скорость звука. Темно-серый листовый металл ее корпуса в грубых заклепках выглядит непривлекательно, но его функциональность внушает уверенность. «Союз-ФГ» — «внучка» советской «Р-7», первой в мире межконтинентальной баллистической ракеты. «Р-7» была создана во время холодной войны для доставки ядерных зарядов к целям в Америке, и я не могу забыть свое детское восприятие: Нью-Йорк и мой родной пригород Уэст-Ориндж в Нью-Джерси неизбежно одними из первых будут атакованы и сметены с лица земли при ударе Советов. Сегодня я стою с двумя русскими в их некогда секретном здании, и мы собираемся доверить друг другу свои жизни, отправляясь в космос на бывшем оружии уничтожения.

Все мы — Геннадий, Миша и я — были военнослужащими, прежде чем пройти отбор для космических полетов, и, хотя это никогда не обсуждается, мы знаем, что могли бы получить приказ уничтожить друг друга. Теперь мы участвуем в крупнейшей в истории программе мирного сотрудничества. Когда меня спрашивают, стоит ли космическая станция денег, кото-